

Михаил НЕСИН

ГАЛИЦКОЕ ВЕЧЕ И ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ В 1205-1229 гг.

Изучение галицкого вечевого уклада в XII в. весьма важно для понимания галицкой истории первой трети последующего XIII ст. Но и анализ сравнительно хорошо отображенных в источниках событий, произошедших после смерти Романа Галицкого (1205 г.), незаменим для адекватной характеристики как галицкого веча, так и государственного устройства вообще. Собственно, нередко преимущественно по ним и воссоздается политический образ этого города, а также его знаменитого боярства. Ныне П.С. Стефанович резонно отметил, что они во многом служат проверкой выводов по галицко-волынкой государственности предшествующего времени¹. В то же время исследование вышеуказанного периода, на наш взгляд, требует обращения непосредственно к событиям, которые предшествовали правлению Романа Мстиславича, во многом предопределившему дальнейшее развитие событий.

В 1199 г.² в Галиче умер последний представитель династии галицких князей Ростиславичей - Владимир Ярославич, не оставив после себя наследника. Затем галицкий стол был занят волынским князем Романом Мстиславичем. Русские источники (за исключением опирающейся на польскую хронику Кадлубека поздней Густынской летописи³) молчат о том, каким образом он заполучил галицкое княжение. На этом основании некоторые историки даже полагают, что у нас нет о том достоверных данных⁴. Согласно польскому хронисту Винценту Кадлубеку, этот князь захватил Галич силой⁵. Последнее правдоподобно как с точки зрения источникововедения⁶, так и истории ранних отношений галичан с этим князем. Однажды он уже княжил у них по их приглашению вместо изгнанного за грубое пренебрежение к вечевой законности⁷ Владимира Ярославича. Но когда вскоре он убежал от вторгшихся в край венгров⁸, галичане уже не звали его обратно, предпочитая ему даже сына крайне неуважительно относившегося к Галичине⁹ Ивана Берладника¹⁰ или того же Владимира Ярославича.

Это вполне понятно. Во-первых, Роман был волынским князем и действовал прежде всего в интересах своих волынских земель. Известно, что его последующее правление в Галиче привело к заметному

влиянию волынцев на галицкие дела, продолжавшемуся и некоторое время после его смерти¹¹. Это, конечно, вовсе не обозначало объединения Галицкой и Волынской земель. Как показывает внимательный анализ источников, до окончательного утверждения на галицком столе Даниила Романовича Галицкого Галичина и Волынь считались и являлись разными землями¹². Показательно, что даже Н.Ф. Котляр, говорящий об «объединении» Романом Галичины с Волынью в единое Галицко-Волынское княжество, признает, что это объединение было рыхлым и быстро распалось, так как не имело единого государственного «аппарата», судопроизводства и системы налогообложения¹³. Другое дело, что в источниках прослеживается активное влияние волынцев на галицкое княжение, связанное с лидирующим положением Волынской земли в Юго-Западной Руси. Не исключено, что и в считанные месяцы своего первого галицкого княжения Роман Мстиславич проводил активную проволынскую политику. Да и само его утверждение в Галиче хорошо вписывалось в атмосферу давнего острого соперничества Волыни и Галичины за лидерство в регионе¹⁴.

Кроме того, при подходе венгров Роман бросил город и убежал назад на Волынь, что, с точки зрения русских вечников, являлось предательством. В свое время новгородцы, изгоняя Всеволода Мстиславича, в качестве двух из трех его главных провинностей перед ними указали, что он струсил на поле боя и желал променять их стол на иногородний¹⁵. Да и Роман, вместо того, чтобы по традиции возглавлять оборону края, сбежал от врагов, оставив Галицкую землю захватчикам, а сам вернулся на родную Волынь¹⁶. Так что у галичан были все основания не любить этого князя. Поэтому, даже если среди них были сторонники его повторного вокняжения¹⁷, то противников было много и вернуть себе галицкий стол назад он мог только силой.

Другое дело, что Роман Мстиславич проводил успешную внешнюю политику, поэтому, согласно Лаврентьевской летописи, после его гибели летом 6709 (1205) г. «галичане целоваша крестъ к сыну его Данилу»¹⁸. Новому князю Даниилу Романовичу в то время было всего четыре года, и за него долгое время реально правила его мать Анна, вдова Романа Мстиславича. В домонгольское время подобного рода присяга вечников новому князю являлась общерусской традицией. Причем порой, например, в известиях о распоряжениях князьими столами перед смертью Ярослава Осмомысла Галицкого¹⁹ и владимирского князя Всеволода Юрьевича²⁰, говорилось именно о крестоцеловании вечников. Не исключено, что дружинники не всегда должны были присягать таким образом, тем более публично, учитывая их традиционную роль постоянных князьих советников и посредников между вечем и князем, в том числе и при подготовке вопросов, вы-

носимых на вече. Так что данное известие стоит отнести к разряду свидетельств о вечевой активности галичан.

Другое дело, что Галичина была желанной добычей для сопредельных русских князей, уже в первые месяцы после смерти Романа пытавшихся ее покорить. Сперва, летом²¹ или ранней осенью²² 6710 (1205) г., был поход киевского князя Рюрика Ростиславича, опиравшегося на силовую поддержку половцев, затем, весной 6710 (1206) г.²³, - набег черниговских князей Ольговичей, собравших мощную коалицию русских князей и кочевников берендеев.

Понятное дело, что в такой напряженной обстановке недовольство галичан вдовой Романа и малолетним князем Даниилом только усиливалось. Не стоит забывать, что Роман хоть и предпочитал жить в Галиче, правил им как волынский князь, и при нем и его наследниках сохранялось активное волынское влияние на Галич. Все это приведет к тому, что вскоре после смерти Романа, во время нападения на Галич Ольговичей, княгиня Анна с двумя детьми сбегут во Владимир Волынский, а галичане пригласят себе вместо них северских князей Игоревичей, венгры же, стремясь навязать галичанам удобного им князя Ярослава Всеволодовича Переяславского, тем не менее уже не рискнут вновь возвращать им княгиню Анну с маленьким князем. Так что, вопреки А.В. Майорову²⁴, можно вполне доверять известию Ипатьевской летописи о венгерских заставах²⁵. Как мы увидим, венграм (у них в то время правил король Андраш II, тот самый летописный королевич «Андрей», который занимал Галич в конце XII ст.) самим хотелось подчинить Галич, поэтому они и воспринимали других претендентов на галицкий стол - что из поднепровских завоевателей, что из потенциальных добровольно приглашенных галичанами князей взамен Даниила и его матери - как своих конкурентов. Вдову Романа и малолетнего Даниила король защищал по обещанию, данному им лично в свое время Роману Мстиславичу, и при этом не упускал возможность влиять на галицких вечников. Более того, защищая Галич от Ольговичей, венгерский король даже навязал галичанам удобного себе князя Ярослава Всеволодовича Переяславского. И хотя, согласно Лаврентьевской летописи, внешне это было обставлено, как обычное для домонгольской поры соглашение с вечниками, «баше бо король с Галичанъ здумавъ переже послалъ в Переяславль Ярослава Всеволодича»²⁶, на самом деле галичанам князя попросту навязал король, исходя из своей политической выгоды²⁷. Вероятно, тут во многом сказался характер Ярослава, сильного и решительного по отношению к многим прочим русским князьям, но предпочитавшего ладить с заведомо более сильным завоевателем. Неслучайно именно он после Батыева нашествия будет объявлен ханом старейшим кня-

зем Руси, хотя «старее» его был Михаил Черниговский²⁸. Собственно, это и послужило причиной гибели Михаила, так как монголы, чтобы узаконить старейшинство благонадежного для них Ярослава, предпочли просто убрать лишнего старейшего князя²⁹. И не важно, что Ярослав Всеволодович был отпрыском союзной Галичу владимиро-суздальской династии Рюриковичей³⁰, в эпоху удельной раздробленности было важно, где правил князь. А Ярослав в ту пору княжил в Переяславле Южном, не дружественном по отношению к Приднестровью. Поэтому неудивительно, что галичане на деле хотели совершенно иного князя. В.Н. Татищев добавил, что галичане покорились венгерской воле вынужденно, поначалу же они сами хотели призвать себе князя по своему усмотрению, но «король... велел им принять на княжение Ярослава Всеволодича переяславского»³¹. Во всяком случае, согласно вышеприведенной Лаврентьевской летописи, «галичане же видяше короля, идуща прочь, убояшася полковъ Руских, еда възвратятъ на нь спяць, а князя у нихъ нету здумавше послашася по Володимера Игоревича отаи»³². Потому мы не согласны с идеей А. В. Майорова о сравнительно хороших и союзнических отношениях между галичанами и Андрашом II³³. Если они вместе с княгиней приглашали его защитить их от набега приднепровских соседей, то это означает, что они признавали его военную силу, но вовсе не значит, что им нравилось его самоуправство в их крае. Венгры же, как покажут дальнейшие события, как и в 1180-х гг.³⁴, всегда стремились навязать Галичу свою волю и, оказываясь в Галиче, донимали горожан своим поведением. Правда, что в 1180-е гг.³⁵, что в начале XIII в., венгры при навязывании галичанам угодных себе властей любили обставлять все в виде взаимного договора с вечем, что, впрочем, нисколько не умаляло их своеволия. Весьма примечательно в процитированном выше отрывке вскользь брошенное замечание летописца, что галичане призвали Игоревичей, так как «князя у нихъ нету»³⁶. Как и в недавно рассматриваемый нами период XII в.³⁷ галичане по-прежнему не мыслили своего существования без княжеской власти. Между тем, не позднее лета 1710 (1206) г.³⁸ северский князь Владимир Игоревич утвердился в Галиче. Что касается Ярослава Всеволодовича, то он явно не знал, что галицкие вечники передумали и пригласили другого князя. Согласно Лаврентьевской летописи, он подошел к Галичу, но, узнав, что там уже вокняжился Владимир Игоревич, вернулся в Переяславль³⁹. Правда, Ипатьевская летопись, в отличие от Лаврентьевской, сводит призвание Владимира лишь к политике «галичких бояр»⁴⁰. «Галичские бояре» - достаточно устойчивое словосочетание статей Галицко-Волынского свода за начало XIII ст., они идут во главе галичан-вечников, участвуют в галицких посоль-

ствах, отвечают за весь город⁴¹ (как во время правления в Галичине северских Игоревичей⁴²). При этом сама приставка «галичские» также подчеркивает их связь не с дружиной, а с градскими вечниками, которые, будучи, в отличие от сравнительно мобильной дружины, наиболее тесно связаны с родной местностью, часто в противовес ей назывались именем родного города⁴³. Наличие этих земских «галичских» бояр неоднократно отмечалось в историографии. Существование особого класса «местных бояр» отмечал еще Н.П. Дашкевич⁴⁴. При этом исследователь, равно как впоследствии и В.Т. Пашуто⁴⁵, связывал их исконное происхождение с дружинной средой, однако впоследствии они, по его мнению, выделились в оседлый, привязанный к городу и противостоящий княжеской власти слой. Впрочем, еще в дореволюционной историографии встречались иные взгляды. С.М. Соловьев, считавший, что во всей Руси боярство было дружинным, тем не менее признавал наличие в Галиче земских бояр галичских, бояр «не князя, а княжества»⁴⁶. Сходные взгляды впоследствии высказала К.А. Сафроненко⁴⁷, выведившая происхождение бояр галичских из недружинной среды. Эта точка зрения нам кажется наиболее близкой. Поскольку земские бояре существовали в Галиче издавна, как сосуществовавшая с дружинной боярской элитой земская боярская знать⁴⁸, то и в XIII в. она не возникает ниоткуда (сразу оказываясь естественной местной градской элитой), а продолжает свое давнее руководство вечем. А поскольку русское вече домонгольской поры вполне сочетало участие глав всех свободных городских семей с фактическим господством на нем местной земской аристократии⁴⁹, то показания Ипатьевской и Лаврентьевской летописей о призвании Владимира Игоревича не стоит считать противоречивыми. Первая указала на реальную лидирующую роль вечевой верхушки, вторая отметила полный состав участников. Кроме того, согласно той же Ипатьевской летописи, едва утвердившись в Галиче, князья Игоревичи «хотящю Володимеру искоренити племя Романово, поспевающимъ же безбожнъымъ галичаномъ»⁵⁰. Это показывает, что в утверждении князей Игоревичей были заинтересованы не только представители знати, но и вече в целом. Оно же выработало решение отправиться во Владимир Волынский за вдовой и детьми Романа и погубить их. Кроме того, из вышеприведенного отрывка видно, что галицко-волынский сводчик (летопись которого до нас дошла в составе Ипатьевского свода) прекрасно различал понятия «бояре галичские» и «галичане», вечевую знать и вечников вообще. Кроме вечников разных слоев в призвании Игоревичей довольно деятельно участвовал некий Володислав Кормильчич, прозвище которого, вероятно, указывает на его связь с князьими приближенными, кормильцами⁵¹.

В следующий раз галицкие вечники упоминаются уже не в качестве действующей силы, а как объект притеснения со стороны интервентов. Четыре года спустя, во второй половине 6713 (1210) г.⁵² Андраш Венгерский послал в Галич наместника Бенедикта, который, подло схватив местного князя в бане, сам стал править в Галиче, истомля своим правлением бояр и горожан («бо томитель бояромъ и гражаномъ и блудъ творя и скверняху женъ же и черници и попадьи в правду бя антихрсть за скверная дела его»)⁵³. А поскольку, как мы недавно указывали, когда горожане вечники упоминались в качестве некоего целого в противовес боярам, слово «бояре» обозначало дружину и наоборот: когда упоминали дружину вообще и боярство, то имели в виду знать земскую⁵⁴. Летописец явно имел в виду под боярами старших дружинников, которых венгерский наместник притеснял вместе с вечниками.

Поэтому через несколько месяцев, зимой или весной 7614 (1211) г.⁵⁵. «приведоша же Галичане Мьстислава [Ростиславича Немого из Пересопницы] на Бенедикта и прииде к Галичю»⁵⁶. Тот факт, что галичане обратились к нему, а не к Игоревичам, легко объясним. Как известно, незадолго до утверждения в городе власти венгерского палатина, Игоревичи передрались за лучшие столы в Галичине, верх в борьбе за Галич одержал средний брат Роман Игоревич, захвативший власть в приднестровской столице силой, без вечевой санкции (сами галичане по-прежнему хотели Владимира, и на следующий год сразу же вернули его себе, когда приглашали Игоревичей назад бороться с венгерскими интервентами). Собственно, эта усобица в конечном счете и побудила учредить в Галиче свое наместничество, так как ей воспользовался сын Рюрика Ростиславича, Ростислав Рюрикович. Правда, Игоревичи его опять выгнали, и Роман снова вернулся в Галич, но венгры, издавна стремившиеся взять Прикарпатье под свой контроль, решили с этим произволом покончить и учредить в крае свое наместничество. Поэтому у галичан были все основания не хотеть вновь связываться с Игоревичами, а попытаться счастья с другим князем.

Однако Мстислав оказался нерадивым, не успевал «ничтоже», вероятно, не имел он большой охоты защищать галичан⁵⁷. Поэтому галицкий боярин «Щепановичъ Илия возведъ и на Галицину могилу, ослабився рече ему: "княже уже еси на Галицини могъле посидель, тако и в Галич княжилъ еси", смяху бо ся ему: "воротись в Пересопни"»⁵⁸. Как неоднократно отмечали исследователи, Галицкая могила служила традиционным местом ритуальной интронизации галицких князей⁵⁹ (хотя, как мы увидим далее, на примере событий 1211 г., в те годы завершалась интронизация торжественным посадением в го-

родском кафедральном соборе Успения Богородицы). Этому же князю в форме саркастической шутки ясно дали понять, что ему лишь бы вокняжиться, а всерьез заботиться о Галичине он не станет. Однако Бенедикта галичане тоже терпеть больше не хотели. Поэтому, прогнав Мстислава Немого, вновь послали за Игоревичами. Все-таки, несмотря ни на что, братья Игоревичи казались им надежной защитой, а своим деятельным участием в организации посольства во Владимир Волынский они поспособствовали устранению влияния волынцев на галицкие дела, не только показав, что галичане сами могут распоряжаться своим столом, но и способны не давать волынцам укрывать у себя неугодных для них людей. Поэтому вполне логично, что второй раз галичане уже не стали испытывать судьбу, а согласились на возвращение Игоревичей. Иногда, правда, высказывается мнение, что призывали Мстислава и Игоревичей не вечники, а разные боярские партии⁶⁰. Но, во-первых, Галицко-Волынская летопись, дошедшая до нас в составе Ипатьевской, четко различает галичан и бояр галицких, во-вторых, до сих пор со смерти Романа Галицкого галичане выступали заодно, вообще не дробясь ни на какие принципиальные партии. Согласно Ипатьевской летописи, «галичане ко... Володимеру глаше: "сгрешихомъ к вамъ, избави нъ томителя сего Бенедикта"»⁶¹. Владимир послушал галицких вечников и весной 6714 (1211) г.⁶² выгнал из города венгерских захватчиков. После этого Владимир, как старший из братьев Игоревичей, сел в Галиче, а его братья, Роман и Святослав - в галицких пригородах Звенигороде и Перемышле. Другое дело, что князья Игоревичи не простили галицким вечникам их «согрешений» (надо полагать, то, что, как справедливо отметил А.В. Майоров, те, минуя их, сперва пытались призвать Мстислава Немого⁶³.) В том же 1211 г.⁶⁴ они устроили массовую расправу над городской элитой: «Съветъ же створиша Игоревичи на бояре галичкьи, да избьють и по прилучаю избьени бьяша и убьень же бысть Юрьи Витановичь, Илия Щепановичь инии велиции бояре убьено же бься ихъ числомъ 500, а инии разбегошася»⁶⁵. При этом Игоревичи хотели расправиться даже с Владиславом Кормильичем, одним из главных инициаторов их первого вокняжения в Галиче. Однако тот убежал в Венгрию вместе с еще двумя боярами, Судиславом и Филиппом, где они попросили короля Андраша II вернуть в Галич юного княжича Даниила Романовича. Никакой воли галичан за этим не стояло. Просто трое испугавшихся за свою жизнь бояр решили спастись, вновь призвав венгров. В домонгольской Руси, в частности, в Галичине, вечники при случае могли указать неугодному князю путь, те же галичане порой выгоняли даже самовластных венгерских интервентов. Но в данном случае королю пришлось устроить настоящую войну как против Га-

лича, так и против его основных пригородов, где сидели Игоревичи. Правда, пригороды сдались сравнительно легко. Перемышль, где со времен возвращения князей Игоревичей в Галичину сидел третий брат Игоревич, Святослав, почти сразу открыл ворота врагам, стоило лишь бывшему с венграми Владиславу Кормильчичу обратиться к горожанам с отповедью: «Братье, почто смьышляетея не сии ли избиша отци ваши и братью вашу, инеи имение ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабьы ваша, а очьствии вашими владеша инии пришелци, то за техъ ли хочете дшу свою положити»⁶⁶. Перемышльские вечники (судя по всему, это были вечники, ибо именно к этой городской категории в Древней Руси обращались «братья»⁶⁷) поддались на Владиславовы уговоры. В отличие от галичан, ведавших управлением всей землей, жители волости знали Игоревичей лишь как жестких правителей, корыстно и жестоко дерущихся за пригородные княжения, приводящих с собой для осуществления управления на местах, суда и налогообложения непривычный, иногородний штат «пришельцев». Немудрено, что жители Перемышля не рвались умирать за таких князей. Сходным образом сдались и звенигородцы. Поначалу звенигородские «горожане»-вечники храбро отражали атаку венгерских интервентов, но потом, когда их князь Роман Игоревич бежал из города и по пути попал венграм в плен, венгры «послаша ко гражаномъ рекуще: «предаитеся князь вашъ ять бьаст» онемо же не имущимъ веры, донележе известно быст и предашася Звенигородьци»⁶⁸. Что же касается Владимира Игоревича Галицкого, то он вместе со своим сыном Изяславом при подходе венгров бросил Галич (хотя в плен не попал и успешно бежал из Галичины). Лишившись традиционного княжеского военного предводительства, галичане, как и звенигородцы, не чувствовали себя в силах продолжать оборону (что для домонгольской Руси не было редкостью; известно, что гибель киевского князя Святослава Ольговича решила исход битвы, так как киевляне, лишившись привычного княжеского военного руководства, уже не пожелали вместо князя «слушать» его «боярина»⁶⁹. Руководство обороной города тоже традиционно вверялось князю - те же галицкие вечники, не желая пускать юного Ярослава Осмомысла в открытый бой, доверили ему при случае защищать Галич, если они закроются в нем от недругов⁷⁰) Летом 1211 г.⁷¹ венгры вошли в Галич, где «бояре володимьрости и галичкьки и Вячеславъ Володимерьскьки, и вси бояре володимерьсти и галичкьки, и воеводьы угорьскьии, и посадиша князя Данила на столе отца своего великаго князя Романа во цркви стаа Бца приса двцаа Мриби»⁷². Как мы видим, земское боярство Галича (как, кстати, и Владимира Волынского) опять выступает господствующей частью вечников, тогда как посажения князей на Руси в

то время осуществлялось с участием всех мужей градских. Другое дело, что в напряженной обстановке начала XIII в. в Галиче вече даже внешне не походило на единую общегородскую силу и часто являло собой не только откровенно аристократический орган, но инструмент власти наиболее инициативных лиц или групп. Далеко не случайно летописец противопоставляет группу галицких и волыньских бояр «всим» галицким и волыньским боярам. Даже среди правящего сословия земской знати на фоне общего смятения заправляли отдельные наиболее активные группы (сразу отметим также, что с водворением вдовы и сына Романа Мстиславича исчезнувшее при Игоревичах влияние волынянцев на галицкие дела вновь вернулось).

Другое дело, что в данном случае, конечно, главную роль играли венгры в лице своего короля и «воевод угорских», а сами галичане, включая своих наиболее активных бояр, не были рады силовому водворению Романова «племени». Поэтому уже меньше чем через год, в первой половине 1212 г.⁷³, улучив время, галицкие вечники снова выгнали из Галича мать Даниила, фактически управлявшую от имени своего 11-летнего сына («галичане же въгнаша Данилову мтерь изъ Галича»)⁷³, но предварительно, в сентябре 1211 г.⁷⁵, они выкупили из венгерского плена князей Игоревичей и казнили их через повешение: «Роману Стославу Ростиславу угромъ же хотящемъ е вести королеви. Галичаномъ же молящимся имъ, да бѣша и повесили мьсти ради, убижени же бѣяше угре великими дарьми, предани бѣша на повешение, месяца сентября»⁷⁶.

В историографии считается, что их повесили за антибоярский террор⁷⁷. Однако вдобавок Роман при подходе венгров бросил Перемышль, позволив тем самым венграм взять город, а Святослав своей неосторожной политикой довел звенигородцев до того, что они сами сдали венграм Звенигород. Что касается третьего казненного, Ростислава, то до этого он в источниках вообще прямо не упомянут, поэтому исследователи не уверены в его существовании⁷⁸. В то же время его судьбу, как нам кажется, способно прояснить уникальное известие Воскресенской летописи о том, что в «въ лето 6718 (1210) г.⁷⁹ Ростиславъ Рюриковичъ седе въ Галичи, а Романа Игоревича выгнаша; осени тояже выгнаша изъ Галича Ростислава Рюриковича, а Романа Игоревича посадиша съ братомъ»⁸⁰. Вполне возможно, что этот брат-соправитель и был Ростислав, самый младший из братьев Игоревичей. Тем более, что прочие братья в это время правили в других русских землях. Святослав в ту пору княжил на Волыни, а Владимир еще до вокняжения Ростислава Рюриковича был изгнан из Галича Романом и уехал в Путивль, откуда его на другой год и позовут галичане. М.С. Грушевский логично решил, что вмешательство Ростислава и

возвращение Романа послужили поводом для венгров присоединить Галич к своей земле, прислав туда наместника Бенедикта⁸¹. При этом важно учесть, что Ростислав, скорее всего, водворился силой, так как был связан с Киевщиной и всегда выступал на стороне своего отца Рюрика Ростиславича, неоднократно пытавшегося завоевать Галичину. Так как изначально Роман сел в Галиче самовольно, в ходе братской княжеской междоусобицы за города Галичины⁸², сами галичане по-прежнему хотели видеть у себя старшего, Владимира, которого сразу же вернули себе, когда приглашали Игоревичей назад бороться с венгерскими интервентами. После изгнания Роману достался Звенигород, куда он мог опять взять младшего брата. Роль Ростислава в управлении была скромной - недаром его имя упомянуто случайно, уже в связи с повешением, а три года спустя его вообще не будут брать в расчет, упоминая лишь о двух повешенных Игоревичах: «кто же лето изгони Всеволодъ Чърмьный сынъ Святославль, правнукъ Олговъ, внукуы Ростиславле из Руси, тако река: "брата моя есте 2 князя повесили вы въ Галици, яко злодея и положили есте укорь на всехъ; и нету вамъ чясти въ Русской земли"»⁸³, что легко объясняется, если считать его младшим соправителем своего брата, не имевшим при жизни брата, по правилам старшинства, самостоятельного влияния. Галичанам же было вполне достаточно его роли помощника своего брата, к тому же, если бы он того пережил, то автоматически приобрел бы статус самостоятельного и небезопасного князя.

Важно также отметить, что исследователи обычно склонны изображать казнь Игоревичей сугубо галицким делом. Однако все это было сделано явно с ведома правившей в Галиче княгини Анны, которую Игоревичи в свое время едва не убили; ей тогда лишь чудом удалось сбежать с детьми через брешь во владимирских укреплениях. Весьма странно было бы предположить, чтоб венгры, только что силой вернувшие ей галицкое княжение, допустили, чтоб галичане позволяли себе самовольство в таких ключевых вещах, как выкуп и казнь своих прежних князей. Теперь у «племя Романова» появился повод расправиться с несостоявшимися убийцами. Анализируя казнь Игоревичей, А.В. Майоров указал на сведения Ипатьевской и Воскресенской летописей о том, что перед повешением их избили, и привел разные этнографические данные об использовании битья в ряде обрядов при переходе человека из одного статуса в другой. Кроме того, здесь, по мнению ученого, имел место акт кровной мести, которая была дозволена Русской правдой - так ученый трактует летописное выражение «повесили мсти ради»⁸⁴. Однако, скорее всего, в основе лежала простая агрессия вечевой толпы. Достаточно привести пример наиболее подробно описанных местным летописанием новгородских вечевых

казней, где случаи предварительных массовых избиений осужденного («избища») отмечались особо. А кровная месть (в значении идущего из недр родового строя постоянно действующего обычая) на Руси уже ко временам составления Краткой редакции Русской правды Ярослава Мудрого заметно теряла былую значимость. Неслучайно закон специально предусматривал возможность замены ее денежным откупом⁸⁵. О силе и популярности кровной мести в начале XIII в. тем более говорить не приходится.

Галичане жестко мстили Игоревичам за проявленную ими по отношению к их земле ненадежность. При этом не стоит исключать и того, что под водительством княгини официально их казнили за попытку убить «племя Романово». К этому склоняет как подавленное положение галицкого веча после насильственного посажения в городе неугодных ему князей и возобновления влияния на него волынцев, так и вышеприведенное обвинение в причастности к казни Игоревичей, вынесенное Всеволодом Черным Смоленским Ростиславичам. Не исключено, что князь лицемерил, однако вряд ли бы он стал публично срамиться, обвиняя их в очевидно неправдоподобных вещах. А иногородние и недружественные князья даже чисто гипотетически не могли сговориться с галичанам, минуя княгиню, тем более, что ее власть была установлена в крае насильно, а галицкое вече перестало быть главным земским органом в крае, так как с утверждением княгини автоматически восстановилось лидерство волынцев на всем юго-западе Древнерусского государства. Избиение осужденных было проявлением грубой физической разрядки как по отношению к ним, так и своему положению, которому эти князья поспособствовали своим неудачным княжением.

Едва ли в этой связи прав П.П. Толочко, говоривший, что боярство сперва призвало Даниила, а потом само же его прогнало⁸⁶. Даниила посадили в Галиче венгры, придя с большими военными силами; галицкому боярству оставалось лишь демонстративно смириться с волей победителей, зато потом, меньше года спустя, в первой половине 1212 г., галичане выгнали Данилову мать. Но, хотя венгры вскоре вновь водворят ее силой, скоро галицкие бояре Яволод и Ярополк приведут в город Мстислава Пересопницкого, и она вынуждена будет бежать. Хотя венгры потом снова вернулись и сместили Мстислава, княгиня не решалась больше оставаться в мятежном городе. В этой связи особенно понятен и феномен Владислава Кормильчича, в октябре 6717 (1213) г.⁸⁷ ставшего местным князем, что для домонгольской Руси было уникальным примером, ибо прежде этим правом располагали лишь князья Рюриковичи. Венгры уже не могли рискнуть вновь оставлять в Галиче ни княгиню Анну, ни Даниила и были готовы по-

садить в Галиче князем любого верного им человека. Владислав же, в свое время способствовавший взятию ими Галича, им казался таким. Правда, уже в следующем 6718 (1214) г.⁸⁸ он не устроил их, они его силой сместили, увезли в оковах в свою землю, а в Галиче посадили венгерского королевича Коломана.

В следующий раз с упоминанием галицких вечников мы встречаемся в 6720 (1215) г.⁸⁹ перед захватом города новгородским князем Мстиславом Удалым в союзе с краковским князем Лешко: «Галичани же вси и Соудиславъ послашася по Данила, Данил же не утяже ехати, а Бенедиктъ Лысыи бежа во угры со Судславомъ, а Мьстиславъ седе в Галичи»⁹⁰. Юный Даниил Романович в свои 15 лет в ту пору уже был сильным и самостоятельным князем (пожалуй, сильнейшим во всей Южной Руси) и больше не являлся орудием венгерского влияния. Естественно, галицких вечников гораздо больше привлекала идея сбросить венгерское владычество с его помощью, изначально построив с ним отношения на взаимном договоре, чем насильно переходить от венгерских интервентов в руки очередного завоевателя. Но Даниил решил не ввязываться в эту войну, и Мстислав силой вокняжился в Галиче. Правда, правил в Галиче недолго и в феврале следующего года снова вернулся в Новгород, а в его отсутствие венгры с королевичем Коломаном вновь захватили город.

Другое дело, что венгры в Галиче воспринимались все более чужеродной силой. Когда в 6727 (1221) г.⁹¹ Мстислав вновь поехал завоевывать Галич, в городе вспыхнуло антивенгерское вечевое восстание. Венгры, будучи не в силах принять открытого боя, забравшись на церковные своды, «стреляющимъ и камение мещущимъ на гражаны, [горожане] изнемогаху жажею водною, не бе бо воды в них и приехавшю же Мьстиславу и вдашася ему»⁹². Торжественно сведя с церкви обессилевших венгров, Мстислав сам вокняжился в городе на несколько лет.

Далее летопись упоминает галицких вечников в 6734 (1227) г.⁹³, когда недовольные правлением княжившего у них Мстислава «галичаномъ бо хотящимъ Данила»⁹⁴. Правда, до этого, под 6734 (1226) г.⁹⁵ упоминается о социальной активности земских «бояр гальчьких»⁹⁶, которую А.В. Майоров истолковывает как выражение воли всех вечников, приводя историографию о заметном участии древнерусского домонгольского веча в управлении краем⁹⁷. Однако советовать князю жениться, а также нести наказание от князя могли и одни бояре, власть которых в Галиче была столь сильна, что их «нехотение» видеть Мстислава в Галиче сразу воспринималось как постановление государственной значимости⁹⁸. Причем в указанных случаях могли действовать даже не все бояре, а часть из них, недаром галицко-волынский летописец,

как мы помним, даже специально различал понятия бояр галицких и «всих» бояр галицких. Более того, как мы увидим на примере событий 1227 г., крупные дела в галицкой политике порой могли вершить даже два человека, известные галицкие дружинники Судислав и Глеб Зеремеевич. Вопреки воле галичан они вынудили Мстислава передать княжение венгерскому королевичу. Правда, с точки зрения А.В. Майорова, Судислав и Глеб Зеремеевич предварительно убедили весь город и выступили за вокняжение короля с согласия горожан. Ученый привел ряд соответствующих примеров из древнерусской истории (в частности, события во Владимире Волынском 1207 г., когда несколько человек убедили все вече не убивать галицкого посла, а послушаться его и выдать ему «племя Романово»⁹⁹) и категорически заявил, что и в Галиче в 1227 г. не могло быть иначе¹⁰⁰.

Однако, на наш взгляд, летописное известие как раз дает основание согласиться с авторами (в частности, с указанной в этой связи А.В. Майоровым Т.И. Беликовой¹⁰²), считающими, что королевич Андраш был посажен Мстиславом в Галиче вопреки воле вечников.

«Данил же и Василко посласта люди своя къ брату, не даста ему прити. Отуду же возвратився иде во свою землю, знемогль бо ся бе, ходивь на воину, а король Угорьскыи иде во Угръы тогда же угони Изяславъ со лестивьымъ Жирославомъ идоста с нимъ угръы. Потом же Судиславу льстящю подо Мьстиславомъ, речь ему: «Княже даи дщерь свою, обрученую за королевича, и даи ему Галичь, не можешь бо держати самъ, а бояре не хотять тебе». Оному же не хотящю дати королевичю, наипаче хотящю дати Данилови. Глебови же Зеремеевичю и Судиславу претяща ему не дати Данилови, реста бо ему: «аже даси королевичю когда восхощеши, можеши ли взяти под нимъ, даси ли Данилови, в векъы не твои будетъ Галичь. Галичаномъ бо хотящимъ Данила отуду же послаша въ речихъ». Мьстиславъ дасть Галичь королевичю Андрееви, а самъ взя Понизье, отуду иде к Торьцкому, Мьстиславу же Немому давшы очину свою, князю Данилови и сна своего поручивъ Ивана. Ивану же умершю и прия Луческъ Ярославъ, а Черторъьескъ Пиняне»¹⁰². Как мы видим, галичане и Мстислав хотели посадить на галицкое княжение Даниила. Но Судислав с Глебом Зеремеевичем пригрозили князю, что в таком случае ему никогда не быть снова галицким князем, зато если он передаст стол венгерскому королевичу, то, когда захочет, снова может «взяти под нимъ»¹⁰⁴. Естественно, Мстислав решил передать стол королевичу Андрашу, хотя это и противоречило воле галицких вечников. Как справедливо отметил А.В. Майоров, «уступая часть полномочий Даниилу, Мстислав при этом не собирался покидать пределов Галицкой земли и отказываться от своих княжеских прав. Недаром он так легко позволил

боярам уговорить себя отдать в итоге предпочтение венгерскому королевичу Андрею, также претендовавшему на галицкий стол, - бояре посулили старому князю «взять» Галич назад. Уступая Галич, князь хотел обосноваться в Понижье, что и сделал впоследствии, а когда *(при подходе венгров - М.Н.)* все-таки был вынужден покинуть пределы Галичины..., ...то стал звать Даниила к новой войне на Галич, предлагая в случае успеха совместно управлять Галицкой землей»¹⁰⁵. При этом летопись недвусмысленно сообщает, почему при Данииле Мстиславу было бы суждено потерять Галичину вовсе, а при Андраше он ее всегда мог гарантированно получить назад во время княжения - именно потому, что Андраш не пользовался бы поддержкой у галицких вечников: «Галичаномъ бо хотящимъ Данила отуду же послаша въ речихъ»¹⁰⁶. Таким образом, князь по совету двух бояр специально не следует требованиям города, а, наоборот, выбирает себе в заместители наименее любимого горожанами правителя, чтоб потом легко получить «под нимъ стол». При этом «галичане» в данном случае - все вечники в целом, так как летопись четко разделяет понятие «бояре» и «галичане»; если бояре составляли лишь одну из городских социальных групп, то галичане объединяли в себе как бояр, так и простых людей. В этом смысле едва ли верно считать, что воцарение в Галиче венгерского королевича было результатом волеизъявления как всего боярства¹⁰⁷, так и галичан в целом¹⁰⁸, хотя сама ссылка на них говорит о реальной способности вечников распоряжаться местным княжением и о фактическом господстве боярства, желания которого принимали характер государственного постановления. Это опровергает мнение А.П. Толочко, утверждающего, что Мстислав принял решение о передаче Галича самолично, без оглядки на кого бы то ни было из галичан¹⁰⁹. Так что на каких бы архаических и исконно выгодных для народа традициях не покоился задуманный Мстиславом двуумвират, - а предложенная А.В. Майоровым идея его генезиса нам кажется правильной¹¹⁰ - в данном случае князь специально посадил на свое место нелюбимого в городе человека, чтоб легко сместить его на волне земского гнева. Нелюбимый горожанами Мстислав понимал, что если он и сможет снова получить Галич, то только после еще более чужеродного для них правителя. Да и королевич Андраш (сын Андраша II) вовсе не оказывал Мстиславу никакого архаического «сыновнего» уважения и не собирался делиться с ним властью в крае. Мстислав сам скоро пожалел о своем выборе и стал снова звать Даниила. И по отношению к галичанам он вел себя как захватчик.

Уже скоро жизнь при венгерском правлении стала для галицких вечников невыносимой. При этом Судислав в награду за пособничество получил от венгров огромную власть, вплоть до текущего управления краем.

Поэтому уже летом 6737(1229) г.¹¹¹ галицкие вечники предпочли скорее призвать Даниила, чем терпеть власть Судислава и венгров дальше: «прислаша Галичане, рекуше, яко "Судиславъ шель есть во Понизье, а королевичъ в Галичи осталъ, поиди борже"»¹¹². Правда, В.Т. Пашуто и А.В. Майоров писали, что к Даниилу за помощью послали не все галичане, а только часть, отсюда, по их мнению, тайный характер посольства, а также тот факт, что при подходе Даниила галичане закрылись в городе¹¹³.

Но, во-первых, ни о каком очень тайном характере этого посольства летопись не упоминает (хотя вполне логично предположить, что галичане могли не особенно хотеть посвящать в него венгерские власти). Во-вторых, город «собе затворил» перед Даниилом уже после того, как туда быстро прибыл с Понизья Судислав¹¹⁴, явно знавший о наступлении Даниила и нарочно опередивший его, чтоб организовать оборону города. Не случайно галичане специально подчеркнули, чтоб Даниил пришел к ним, пока Судислав в Понизье и его нет в Галиче. Даниил же, наоборот, не знал о прибытии Судислава и поэтому подошел к городу в «малой дружине»¹¹⁵, не рассчитывая на серьезную стычку. Из реальных галицких соратников Судислава мы знаем только краснолицего боярина Семьюнко, подпалившего мост через Днестр¹¹⁶. Зато когда после победы над Судиславом княжескому тысяцкому Демьяну удалось близко поговорить с самими галицкими вечниками, те перешли на его сторону и, как представители всего земского городского боярства, торжественно вышли с Демьяном к Даниилу Романовичу: «и приде же Дьмьянъ со всеми бояръы Галичкьыми, со Милославомъ и со Володиславомъ и со многими бояръы Галичкьыми»¹¹⁷. И хотя историки отмечают сбивчивый характер вышеуказанного известия¹¹⁸, внимательный источниковедческий анализ показывает достоверность существования галицкого посольства, а также галицкое гражданство двух названных в нем поименно бояр¹¹⁹. Правда, порой их приписывают не к самому Галичу, а к части Галицкой земли, Понизью, на том основании, что больше о них ничего в Галиче не известно¹²⁰ и что Демьян их встретил по пути из Понизья, где он одолел Судислава¹²¹. Но, во-первых, поименные упоминания собственно галицких бояр бывали единичны - например, Юрия Витановича, казненного Игоревичами во время массовых репрессий против городских земских бояр. Причем, Юрий Витанович, будучи одним из двух «великих» бояр, названных летописцем по имени, явно играл в Галиче видную и крупную роль, что не мешало ему попасть в летопись лишь единожды. При этом весьма строгий в плане терминологии галицко-волынский сводчик четко разделяет понятия Галича и Понизья, в частности, в этом рассказе об обретении Даниилом галицкого княжения, поэтому

правильнее, на наш взгляд, галицких бояр считать галицкими после того, как они примкнули к Демьяну после победы в Понизье над Судиславом. Как мы помним, галичане боялись Судислава и специально просили Даниила придти так, чтоб его не застать в городе. Теперь, когда тот был побежден, они торжественно предстали пред Даниилом Романовичем, зовя его вокняжиться. Кроме того, не исключено, что Мирослав и Владислав являлись лидерами каких-то политических партий или иных городских объединений. Тогда возможно, что здесь просто применен тот же литературный прием, что и в вышеуказанном известии той же летописи о завоевании Галича венграми летом 1211 г. Как в том известии летописец упоминает сперва галицких и владимирских бояр, а потом всех бояр галицких и владимирских, так и в данном случае, говоря о полном составе прибывших с Демьяном галицких вечевых бояр, летописец мог дополнительно подчеркнуть особую активность «многих» из них во главе с Мстиславом и Владиславом. Известно, что в преамбулах ряда новгородских и псковских вечевых актов, кроме упоминания воли веча - «всего Новгорода», нередко отдельно упоминаются городские слои, либо входящие в состав вечников, либо в сумме «весь Новгород» и составляющие. Совершенно очевидно, что они в данном случае играли какую-то особую роль среди вечников, поэтому их особо и выделяли. В Волоколамской редакции «Повести о посаднике Добрыне» купцы били «челомь господину своему отцу архиепископу, имя рек, и всему великому Новугороду, рекуще: "Пожалте, поволите"»¹²². Значит, отдельно упоминаемые в тех же актах вечевые слои вносили предложения, а «весь Новгород» «поволял», официально утверждал их идеи. Это объясняет, почему в договоре с Ригой 1299-1300 г.¹²³ и «ряде» с великим князем Ярославом Ярославичем 1266 г. «от всего Новгорода» стоит перед упомянутыми стратами¹²⁴, хотя в прочих случаях оно писалось в конце. Здесь, наоборот, инициатива исходила от «всего Новгорода», идеи которого формально утверждали перечисленные слои. Эти соображения важны и для понимания псковских актов, в которых тоже порой упомянуты не все светские свободные городские вечевые слои и при этом отдельно учтена воля «всего Пскова»¹²⁵.

Вполне возможно, что и в Ипатьевской летописи мы видим вовсе не погрешность, а тот же самый древнерусский литературный прием, передающий сведения о составе участников с выделением тех из них, кто исполнял какую-то особую функцию (в данном случае - представителей того же боярства). Только здесь они, естественно, выделены в качестве реальных лидеров делегации.

Говоря о социальной организации галицкого веча в рассматриваемый нами 24-летний период, следует отметить два принципиально

важных момента. Галицкое вече по-прежнему включало в себя как «галицких бояр», так и «галичан» в целом и, несмотря на многочисленные периоды правления в городе захватчиков, все-таки не утратило своего бывшего влияния на государственное управление, в частности, ведение судьбой местного княжеского стола. Хотя столь напряженное положение Галичины не могло дополнительно не влиять на то, что вече, фактически управляемое земским боярством, нередко даже внешне переставало напоминать общегородскую думу, становясь откровенным орудием власти как «галицких бояр» в целом, так и отдельных их представителей. Да и галицкие дружинники все больше ощущали себя в отрыве как от сажающихся на княжьем столе властителей, так и друг от друга. Не случайно именно в этот период среди них стали появляться личности вроде Судислава, Глеба Зеремеевича и Кормильчица, действовавших абсолютно самостоятельно против воли как своей социальной группы, так и всей приднестровской столицы в целом. Закономерным результатом этого процесса станут дела видных княжых бояр Доброслава, Лазаря Доможировича и Ивора Молибоговича, которые в 7648 (1240) г. без княжьей воли превышали свои полномочия во время сбора дани, фактически прибирая к рукам огромные территории Галичины¹²⁶.

Однако все эти явления связаны именно с конкретной политической ситуацией XIII ст., сложившейся после смерти Романа Галицкого, и искать глубинные причины такого положения галицкой знати в неких особенностях ее происхождения, уникального характера отношения с князьями или исконно специфического характера землевладения¹²⁷, а то и непосредственного влияния иностранных социокультурных традиций¹²⁸ нам не кажется правильным. По своей природе и сущности Галич являлся древнерусским городом и, как и другие древнерусские центры, издавна имел вече с земской боярской знатью, дружину, верхушку которой («старшую») также называли словом «бояре», традицию княжеской власти¹²⁹. При этом, несмотря на периодические конфликты, вече, князь, дружина не мыслили себя друг без друга, князь традиционно руководил вечем при посредничестве дружины и при ее же посредничестве осуществлял текущее управление государством. Однако решение важных государственных вопросов не проводилось без утверждения веча, иначе вече могло изгнать князя и выгнать, сместить или пограбить его дружину¹³⁰. Даже в первой трети XIII в., когда Галич то и дело оказывался захваченным русскими и иноземными князьями, галицкое вече, как мы видели из разговора Судислава и Глеба Зеремеевича со Мстиславом Удалым, по-прежнему считалось силой, способной распоряжаться княжеским столом и нередко, даже в условиях жесткой интервенции, успешно мобилизо-

валось для призвания или изгнания князя. И в то же время князь в Галичине по-прежнему являлся неотъемлемым элементом галицкого общества, отсюда и призвание галичанами Игоревичей, потому что «князя у них нету», и сдача горожанами Галича и Звенигорода при бегстве или пленении их князя (без традиционного руководства князя они не мыслили обороны города).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Стефанович П.С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2007. С. 120-220.

2. *Котляр Н. Ф.* Князь, бояре и вече в Галицко-Волынской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы: 2004 год: Политические институты Древней Руси / Отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова. М., 2006. С. 257-258.

3. ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 327.

4. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 147.

5. *Magistri Vincentii Chronicon Polonorum* / Ed. A. Bielowski // *Monumenta Poloniae Historica*. Lwow, 1872. Т. II. Р. 439.

6. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 324-347; *Котляр Н.Ф.* Князь, бояре и вече... С. 257-260.

7. *Майоров А.В.* 1) Бояре и община Юго-Западной Руси в событиях 1187-1190 гг. (к проблеме внутриобщинных отношений в домонгольский период) // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Воробьев В.М., Дворниченко А.Ю. СПб., 1996. С. 240 (примеч. 28); 2) Галицко-Волынская Русь... С. 276; *Несин М.А.* Галицкое вече в событиях 1187-1188 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2009. С. 35.

8. *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе Осмомысле // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2010. № 1 (19). Примеч. 64. С. 97.

9. *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе... С. 94.

10. Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. М., 2000. Стб. 661.

11. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства... С. 148-149; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 340-346.

12. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства... 146-147.

13. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 121.

14. *Майоров А.В.* 1) Бояре и община Юго-Западной Руси... С. 227; 2) Галицко-Волынская Русь... С. 277

15. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов (далее - *НЛЛ*) ПСРЛ. Т. 3 М., 2000. С. 24, 209.

16. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661.
17. *Котляр Н.Ф.* Князь, бояре и вече... С. 257-259.
18. ПСРЛ. Т. 1 М., 2000. Стб. 428.
19. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355.
20. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 656.
21. *Шаблага А.В.* Опыт моделирования социальных процессов: причины военных конфликтов в Галицко-Волынской Руси. М., 2003. С. 150.
22. *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка (далее - ЗНТШ). Львів, 1901. Т. 41. С. 7.
23. *Грушевський М.С.* Хронологія подій... С. 8; *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 154.
24. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 372-374.
25. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.
26. ПСРЛ. Т. 1 Стб. 429.
27. *Włodarski B.* Polityka ruska Leszka Białego // Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Dz. II. Historia-filozofia. Т. III. Lwów, 1925. S. 27; *Пауто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 400.
28. *Журавель А.В.* 1) О происхождении князя Михаила Всеволодовича Черниговского // Из истории Брянского края. Брянск, 1995; 2) Михаил Черниговский: соотношение жизни и жития // Святой князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів, 1996.
29. *Хрусталева Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига». СПб., 2004. С. 238-239; *Журавель А.В.* «Аки молния в день дождя». Кн. 1. М., 2010. С. 212-213.
30. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 372-378.
31. *Татищев В.Н.* Полное собрание сочинений в 8 т. Т. 3 М., 1995. С. 146.
32. ПСРЛ. Т. 1. Стб.430.
33. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 372-378.
34. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 662.
35. *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галичско-Русского княжества. Т. 2. Львов, 1852. С. 29; *Пауто В.Т.* Внешняя политика... С. 180; *Котляр Н.Ф.* Формирование... С. 86; *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе...
36. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 430.
37. *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе...
38. *Грушевський М.С.* Хронологія подій.. С. 8; *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 154.
39. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 430.
40. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719.
41. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718, 720, 726, 730, 750, 762, 780.
42. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723-724.
43. *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе...
44. *Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.
45. *Пауто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
46. *Соловьев С.М.* Даниил Романович, король Галицкий//Современник. 1847. СПб., 1847. Т. 1. Отд. 2. С. 110-111.

47. Сафроненко К.А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси. М. 1994.
48. Несин М.А. 1) Галицкое вече в событиях... 2) Галицкое вече при Ярославе... 3) К истории происхождения Галича // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2010. № 3 (21). С. 66.
49. Несин М.А. Галицкое вече в событиях...
50. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719.
51. Гарданов В.К. Дядьки в Древней Руси // Исторические записки. М., 1962. Вып. 71.
52. Грушевський М.С. Хронологія подій.. С. 10; Шаблага А.В. Опыт моделирования... С. 15.
53. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722.
54. Несин М.А. К истории... С. 66.
55. Грушевський М.С. Хронологія подій... С. 10, 62; Шаблага А.В. Опыт моделирования... С. 154
56. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722.
57. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь... С. 385.
58. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723.
59. Пастернак Я. Старий Галич. Краків; Львів, 1944. С. 51; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь...С. 385; Жих М.И. Летописная статья 6714 года Ипатьевской летописи и вопрос о возникновении Галича // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2009. № 4 (18)
60. Грушевський М.С. Історія України - Руси. Київ, 1992. Т. 3. С. 480-484; Пауцто В.Т.) Очерки истории... 2) Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.,1965. 3) Внешняя политика... Котляр Н.Ф. Князь, бояре и вече... С. 260. Толочко П.П. О «крамоле безбожных бояр галичских» // Толочко П.П. Выборні твори 1998-2008 рр. Киев, 2008.
61. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723.
62. Грушевський М.С. Хронологія подій... С. 10, 62; Шаблага А.В. Опыт моделирования... С. 154.
63. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь... С. 392-396.
64. Грушевський М.С. Хронологія подій.. С. 11-12; Шаблага А.В. Опыт моделирования... С. 154.
65. ПСРЛ Т. 2. Стб. 723-724.
66. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 724.
67. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства...
68. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 725.
69. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 426.
70. ПСРЛ Т. 2. Стб. 465-466; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь... С. 226; Несин М.А. Галицкое вече при Ярославе... С. 80.
71. Грушевський М.С. Хронологія подій.. С. 11-12.; Шаблага А.В. Опыт моделирования... С. 155.
72. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 729.
73. Грушевський М.С. Хронологія подій.. С. 12, 62; Шаблага А.В. Опыт моделирования... С. 155.

74. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 730.
75. *Грушевський М.С.* Хронологія подій... С. 13; *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 155.
76. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 730.
77. *Котляр Н.Ф.* Князь, бояре и вече...
78. *Грушевський М.С.* Хронологія подій.. С. 7; *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 154.
79. *Гуцин О.* Вступ Чернігівських Ольговичів у боротьбу за Галицько-Волинську спадщину: трагедія Ігоревичів // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Тези доповідей Міжнародної наукової конференції. Галич, 19-21 серпня 1993 р. Львів. 1993.
80. Русская летопись с Воскресенскаго списка, подареннаго в оной Воскресенской монастырь патриархом Никоном в 1658 году. Ч. 1. СПб., 1793. С. 150.
81. *Грушевський М.С.* Хронологія подій... С. 7.
82. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722.
83. НЛ. С. 53, 251-52.
84. Русская летопись с Воскресенскаго списка... С. 151. ПСРЛ. Т. Стб. 229; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 392-396.
85. *Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 88.
86. *Толочко П.П.* О «крамоле...». С. 141.
87. *Грушевський М.С.* Хронологія подій... С. 13; *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 156.
88. *Грушевський М.С.* Хронологія подій... С. 13; *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 157.
89. *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 164.
90. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731.
91. *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 164.
92. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 738.
93. *Грушевський М.С.* Хронологія подій... С. 20-22; *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 164.
94. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750.
95. *Грушевський М.С.* Хронологія подій.. С. 20-22; *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 164.
96. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744-745.
97. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 474-478.
98. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750; *Несин М.А.* Галицкое вече в событиях... С. 134.
99. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.
100. *Майоров А.В.* 1) Галицко-Волынская Русь... С. 474-478; 2) Мстислав Удалой и Даниил Галицкий (черты семейных отношений в практике политических союзов князей Древней Руси) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История». 2005. № 7;
101. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 141, 147; *Толочко П.П.* Київська Русь. Київ, 1996. С. 135.

102. *Беликова Т.В.* События в Галицкой Руси накануне Батыева нашествия // Историческое познание: традиции и новации: материалы междунар. теорет. конф. Ижевск, 26-28 окт. 1993 г. Ижевск, 1996. Ч. I. С. 265.
103. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750.
104. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750.
105. Цит по: *Майоров А.В.* 1) Галицко-Волынская Русь... С. 475; 2) Мстислав Удалой... С. 27.
106. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750.
107. *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 161.
108. *Майоров А.В.* 1) Галицко-Волынская Русь... С. 473-479; 2) Мстислав Удалой...
109. *Толочко А.П.* Князь в Киевской Руси: власть, собственность, идеология. К., 1992. С. 50.
110. *Майоров А.В.* Мстислав Удалой
111. *Грушевський М.С.* Хронологія подій.. С. 20-22; *Шабага А.В.* Опыт моделирования... С. 164.
112. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 753.
113. *Пауто В.Т.* Очерки... С. 211; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 502-504.
114. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 754.
115. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 755.
116. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 755.
117. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 755.
118. *Кордуба М.М.* Суспільні верстви та політичні партії в Галицькому князівстві до пол XIII ст. // ЗНТШ Львів, 1899.Т. 30 С. 20; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 505.
119. *Кордуба М.М.* Суспільні верстви... С. 20; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 506-507
120. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 506-507.
121. *Пауто В.Т.* Очерки... С. 211; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 505-507.
122. Повесть о посаднике Добрыне //Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. № 1. С. 255.
123. *Янин В.Л.* Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 85-86.
124. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 / Под ред. С.Н. Валка. № 2, 36. С.13, 64.
125. ГВНП № 336, 338. С. 323-24.
126. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.
127. *Сафроненко К.А.* Общественно-политический строй...
128. *Юшков С.В.* 1) Очерки по истории феодализма Киевской Руси. М.; Л., С. 139. 2) История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1.
129. *Несин М.А.* 1) Галицкое вече в событиях... 2) Галицкое вече при Ярославле... 3) К истории происхождения...
130. *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. М., 1993; *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославле...